

занимаетъ до сихъ поръ русская православная церковь по отношенію къ государству и административной власти. Глубоко былъ правъ Герценъ, называвшій наше православіе «азіатской церковью, всегда колѣнопреклоненной передъ свѣтской властью». Еще съ большей рѣзкостью выразилъ ту же самую мысль нашъ знаменитый критикъ В. Г. Бѣлинскій, въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Гоголю. «Православная церковь, — писалъ онъ, — всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма ¹⁾».

Православное духовенство, особенно его высшіе, властные слои, за крайне рѣдкими, единичными исключеніями, всегда и всецѣло стояло на сторонѣ гражданской власти, на сторонѣ привилегированныхъ, командующихъ классовъ, совершенно независимо отъ того, какъ эта власть, какъ эти классы относились къ народу, къ его кровнымъ нуждамъ и интересамъ. Въ борьбѣ народа съ своими угнетателями православное духовенство обыкновенно становилось на сторону враговъ народа. Оно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій мирилось съ крѣпостнымъ правомъ, угнетавшимъ и развращавшимъ народъ, оно всегда раболѣпно потворствовало произволу самодержавнаго правительства, санкціонируя своимъ высокимъ авторитетомъ политику репрессій, казней и всякаго рода насилій.

¹⁾ В. Г. Бѣлинскій: „Письмо къ Гоголю“. Изд. „Свѣточа“. СПБ., 1905 г

Въ значительной степени иное отношеніе къ народу проявляло наше низшее духовенство; стоя ближе къ населенію, сельскіе и городскіе священники нерѣдко сочувственно отзывались на народныя страданія и пытались отстаивать своихъ прихожанъ отъ слишкомъ назойливыхъ притѣсненій тѣхъ или иныхъ властей. Но всякое подобное проявленіе активнаго сочувствія къ угнетеннымъ и обездоленнымъ, всякое заступничество за нихъ обыкновенно признавалось незаконнымъ вмѣшательствомъ и неминуемо каралось духовнымъ начальствомъ и каралось жестоко, въ примѣръ и устрашеніе другимъ. Наиболѣе обычной формой наказанія для такого рода священниковъ являлись тѣ же монастырскія тюрьмы, въ казематы которыхъ они заключались «впредь до исправленія и раскаянія».

Высшее православное духовенство не протестовало даже тогда, когда правительство находило нужнымъ обращать монастыри въ тюрьмы, а архимандритовъ и настоятелей монастырей—въ тюремщиковъ. Но этого мало. Знакомая по подлиннымъ дѣламъ съ исторіей главныхъ монастырскихъ тюремъ — Соловецкой и Суздальской, вы невольно приходите къ заключенію, что архимандриты и настоятели монастырей исполняли возложенныя на нихъ мрачныя обязанности тюремщиковъ «не только за

страхъ, но и за совѣсть». Повидимому, они нисколько не тяготились этими печальными обязанностями, столь не свойственными ихъ сану и столь противорѣчащими евангельскому ученію.

Среди настоятелей монастырей встрѣчаются такія лица, которыя повидимому входили даже во вкусъ тѣхъ чисто полицейскихъ и жандармскихъ обязанностей, которыя возлагались на нихъ свѣтскими властями. Мы можемъ поименно назвать такихъ архимандритовъ изъ числа настоятелей монастырей, которые шпиюнили за сосланными въ монастырь и заключенными въ монастырскія тюрьмы не хуже заправскихъ агентовъ какого-нибудь сыскаго отдѣленія.

Насколько широко и охотно примѣнялось у насъ высшей бюрократіей заточеніе въ монастырскія тюрьмы, можно, между прочимъ, видѣть изъ того факта, что сравнительно въ недавнее время, а именно въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія, это страшное наказаніе грозило даже величайшему изъ современныхъ писателей, пользующемуся міровой славой графу Л. Н. Толстому.

Первое изданіе этой книжки, отпечатанное въ количествѣ 6.200 экземпляровъ, разошлось весьма быстро, а именно въ теченіе первыхъ же пяти мѣсяцевъ. Этотъ фактъ, въ связи съ

многочисленными сочувственными отзывами и рецензіями о книжкѣ органовъ прогрессивной части нашей печати, даетъ автору основаніе думать, что работа его не лишена была извѣстнаго общественнаго значенія.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этой брошюры послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій объ освобожденіи изъ Суздальской монастырской тюрьмы лицъ, сидѣвшихъ въ ней. Нѣкоторые органы печати фактъ этотъ ставили въ прямую связь съ появленіемъ нашей работы, въ которой впервые были оглашены имена и фамиліи заключенныхъ, а также болѣе или менѣе подробно выяснены условія, при которыхъ эти лица подверглись столь жестокой карѣ, какой является ссылка и заключеніе въ монастырской тюрьмѣ.

Къ сожалѣнію, все дѣло ограничилось лишь освобожденіемъ лицъ, томившихся въ тотъ моментъ въ Суздальской монастырской тюрьмѣ ¹⁾, но при этомъ ни однимъ словомъ не было заявлено о закрытіи самой тюрьмы. И до сихъ поръ наша «религіозная Бастилія»—Суз-

¹⁾ Судя по правительственному сообщенію, изъ Соловецкаго монастыря въ это время былъ освобожденъ лишь одинъ послѣдній узникъ, а именно крестьянинъ Леонтьевъ, который былъ заключенъ въ этотъ монастырь „по Высочайшему повелѣнію, за распространіе между крестьянами лжеученія, возбуждавшаго ихъ противъ верховной власти и православнаго духовенства“.

дальская крѣпость—официально еще не упразднена. По крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ правительственныхъ актовъ послѣдняго времени не говорится о закрытіи этой тюрьмы.

Когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ состоялось рѣшеніе закрыть Шлиссельбургскую государственную тюрьму, то объ этомъ было опубликовано особое Высочайшее повелѣніе, въ которомъ категорически заявлялось объ упраздненіи тюрьмы, а также указывалось назначеніе, какое должны были получить послѣ этого какъ средства, на которыя содержалась тюрьма, такъ и существовавшая при ней «охрана».

Между тѣмъ относительно упраздненія Суздальской монастырской тюрьмы, повторяемъ, до сихъ поръ нигдѣ официально заявлено не было.

Когда лѣтомъ прошлаго 1905 г. пишушій эти строки посѣтилъ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, то онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что монастырская тюрьма, или «крѣпость», тамъ существуетъ попрежнему и попрежнему ревниво охраняется солдатами-гюремщиками, во главѣ съ комендантомъ-настоятелемъ монастыря.

Такъ, когда я выразилъ желаніе сдѣлать фотографическіе снимки съ монастырской тюрьмы и стѣнъ крѣпости, то отецъ-архимандритъ

рѣшительно воспротивился этому и категорически заявилъ мнѣ, что этого онъ ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Суздальская монастырская тюрьма какъ нельзя болѣе напоминаетъ собою *старую* Шлиссельбургскую тюрьму; обѣ онѣ построены очевидно по одному и тому же плану. Только Суздальская тюрьма вдвое болѣе старой Шлиссельбургской тюрьмы и можетъ вмѣстить вдвое большее количество узниковъ.

На мои вопросы о томъ, что будетъ съ Суздальской монастырской тюрьмой и скоро ли она закроется, архимандритъ-комендантъ отвѣчалъ, что ему ничего неизвѣстно по этому поводу, такъ какъ никакихъ распоряженій отъ начальства на этотъ счетъ онъ не получалъ. То же самое сказалъ мнѣ и владимірскій архіерей Никонъ, котораго я посѣтилъ во время моего пребыванія во Владимірѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1905 года.

Все это было тѣмъ болѣе странно, что со времени опубликованія манифеста 17 апрѣля о вѣротерпимости тогда прошло уже болѣе трехъ мѣсяцевъ,—срокъ, казалось бы, вполне достаточный для того, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія о закрытіи Суздальской монастырской тюрьмы и объ отозваніи существующаго при ней военнаго караула.

Эта медленность является совершенно непонятной и вызывает невольную тревогу. Возникает вопрос: неужели господа руководители нашей духовной политики въ глубинѣ своей души еще надѣются на то, что эта крѣпость, эти казематы могутъ еще понадобится, могутъ еще сослужить службу?!

Во время моего пребываніе въ Суздаль я между прочимъ много наслушался разныхъ разсказовъ о какомъ-то таинственномъ арестантѣ, котораго будто бы привезли въ монастырь зимою 1905 года. Одинъ вариантъ гласилъ: «привезли въ монастырь арестанта въ темной каретѣ; говорятъ, какой-то князь». Другой вариантъ: «привезли въ крѣпость великаго князя въ засмоленной каретѣ. Теперь онъ одинъ въ крѣпости сидитъ». Наконецъ многіе разсказывали, что «въ монастырь привезли священника Гапона, вскорѣ послѣ 9-го января».

Разсказы эти повторялись не только суздальскими обывателями изъ среды «простолюдовъ», но и многими изъ представителей мѣстной интеллигенціи. Поэтому я счелъ необходимымъ навести справки: не содержится ли въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь въ Суздальской монастырской тюрьмѣ?

И хотя въ правительственномъ сообщеніи, напечатанномъ еще 5 марта 1905 года, категорически заявлялось, что «въ настоящее время

въ монастыряхъ заключенныхъ за религіозныя преступленія болѣе не имѣется» ¹⁾, тѣмъ не менѣе однако въ Суздальской монастырской тюрьмѣ въ іюнѣ 1905 года дѣйствительно оказался одинъ заключенный. Но это былъ не «князь» и, конечно, не Гапонъ, а, какъ оказалось, какой-то іеродіаконъ Пафнутіи.

Почему именно продолжали держать въ казематѣ этого несчастнаго, мнѣ такъ и не удалось выяснить. Изъ разсказовъ «старшаго» тюремной команды о Пафнутіи можно было заключить, что въ тюрьмѣ томится психически больной человѣкъ.

Конечно, теперь, послѣ того, что пережила Россія за послѣдній годъ, теперь, когда оппозиціонное настроеніе народа растетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, теперь, когда печать, несмотря на всѣ репрессіи, завоевала себѣ извѣстную долю свободы, теперь правительство, и въ частности святѣйшій синодъ, разумѣется не рѣшится заключать людей въ монастырскіе казематы въ административномъ порядкѣ и гноить ихъ тамъ десятки лѣтъ.

Все это возможно было продѣлывать до тѣхъ поръ, пока глубокая тайна скрывала отъ взора людей все то, что касалось нашихъ монастырскихъ и политическихъ тюремъ и крѣпостей,

¹⁾ „Правительственный Вѣстникъ“, 1905 г., № 51.

пока газеты и журналы, терроризированные Побѣдоносцевымъ, Плеве et tutti quanti, не смѣли коснуться щекотливаго вопроса, а главное—до тѣхъ поръ, пока освободительное движеніе не приняло тѣхъ внушительныхъ размѣровъ, какихъ оно достигло въ теченіе послѣдняго года.

Но теперь, когда тайна нарушена, когда политика духовнаго вѣдомства, не гнушавшагося въ концѣ XIX и даже въ началѣ XX вѣка въ борьбѣ съ религіозными убѣжденіями прибѣгать къ помощи тюремныхъ казематовъ, раскрыта, когда все это получило громкую огласку не только въ Россіи, но и за границей ¹⁾, теперь, когда освободительное движеніе могучей волной охватило общественные слои,—заключеніе въ монастырскія тюрьмы сдѣлалось уже буквально невозможнымъ. И недаромъ казематы Суздальской монастырской крѣпости опустѣли ранѣе, чѣмъ опустѣли шлисельбургскіе казематы.

Однако *ссылка* въ монастыри «подъ началъ» лицъ духовнаго званія, провинившихся противъ церкви и правительства, не прекращается и по сейчасъ. Ссылаютъ въ Соловки, ссылаютъ въ

¹⁾ Книжка о „Монастырскихъ тюрьмахъ“ была переведена на иностранные языки; въ Германіи, напримѣръ, она вышла подъ редакціей профессора М. А. Рейснера, подъ такимъ заглавіемъ: „Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche. Die Klostergefängnisse“.

Суздаль, ссылають и въ другіе монастыри. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ ссылки эти производятся безъ всякаго суда, по доносамъ архіереевъ и духовныхъ консисторій.

Все это ясно, конечно, показываетъ, насколько далеки еще мы отъ полной свободы совѣсти, отъ полной вѣротерпимости. Да, несмотря на всѣ манифесты, несмотря на всѣ обѣщанія, ни религіозная, ни политическая свобода намъ не даются, и полный административный произволъ царить попрежнему на Руси какъ въ области общественной жизни, такъ и въ области религіи.

С.-Петербургъ,
26 іюля 1906 г.
